

Моя старина

Я стою у речки дотемна
Под весенней ласковой луной.
Старина, как некая страна,
Оживает вновь передо мной.
Был я мал, а дедушка седой,
С бородой широкой и косматой.
Вспоминаю маму молодой
И совсем не старой
Нашу хату.
А отцу-то нет и тридцати,
Море песен сердцу полюбилось...
Скоро на войну ему идти,
Но война пока что не случилась.
Не случилась — значит, далека,
На лугу поёт себе гармошка.
И плывут спокойно облака,
И глядит сирень в моё окошко.

Половодье

Фоминские вижу просторы,
Широкое буйство воды.
Под вишнями тетки Федоры
Качаются шальные льды.
Большая у марта работа.
Ту давнюю быль не забыл:
Альшанский мужик на воротах,
Как будто под парусом,
Плыл.

Деревня

Я жил в деревне, жил в деревне
Не год, не два,
А двадцать лет.
Запомнил хаты и деревья
И между тучами рассвет.
Запомнил поле за канавой,
Амбары, двери на засов.
Но позабыл (о, Боже правый!)
Так много лиц и голосов.
Обратно мне в деревню надо,
В те незабвенные года...
Иду я полем, лугом, садом,
По хатам шарю жадным
взглядом:
Куда исчезли все? Куда?

В поле

Где пробегала вьюга вскачь
И ветер выл протяжно,
По чёрной пашне
Чёрный грач

Расхаживает важно.
Он машет крыльями, крича,
Летит на гул моторный,
Где тракторист черней грача
Сидит в кабине чёрной.
Хвостатым облаком стоит
Над полем пыль густая...
Придет пора и зашумит
Пшеница золотая.

Мост

Давно два берега сдружил
Чугунный старый мост.
Как лев,
Он лапы положил
На каменный помост.
Бежит вода,
Зовёт вода:
«Пойдём,
Пойдём со мною!»
Не дозвётся никогда,
Ни летом, ни весною.
Снуют машины по спине,
Трамвай гремит, ползёт.
А он не скажет: «Тяжко мне!»
И даже не вздохнет.
Тишина
Над полем радуга встаёт,
Горит над лугом и над речкой.
Как будто воду пьёт и пьёт:
Не скажет речка
Ни словечка.
Даль деревенского труда,
Как неразгаданное чудо...
Отсюда вышли города
И песни лучшие отсюда.

Гроза

Облако быть облаком устало,
Обернулось тучей грозовой,
Колесницей вдруг загрохотало,
Зашумело бурей дождевой.
Замерли испуганные птицы
В тайниках нахмуренных деревьев.
Ох, не скоро радуга родится
На лице разгневанных небес.

Дуб

Старый дуб заблудился
в разливе ржаном.
Полыхают над ним зоревые
знамена.

Наливается нива. Пустынно
кругом.
Он стоит, словно сторож,
в тулупе зеленом.
Тут, наверное, скучно бывает
ему
В непогожие дни,
в непроглядные ночи.
Но свой пост не уступит
старик никому
И судьбою меняться ни с кем
не захочет.

Юность

В. А.

У юности восторженная речь,
Глаза на мир доверчиво
открыты.
«Сумейте это надолго
сберечь!» —
Шумят над Орликом
каштаны и ракиты.
В их тень войдём,
Как в соловьиный дом,
Увидим трав росистое
свеченье
И все, что потеряли, мы
найдем,
Захваченные жаждой
возвращения.

Глаза

Жизнь крутая судьбу ей
коверкала,
Но глаза и теперь хороши,
Потому что глаза её — зеркало
Вечно юной и чистой души.
А душа — это музыка совести,
Голос неба,
Божественный свет.
О таких пишут песни
и повести,
У таких даже старости нет.

Груша

Молодая кудрявая груша
На деревне, за нашим двором
Вышла пение ветра послушать
И моторов раскатистый гром.
Рада видеть, как сумерки
тают,
Как заря за рекой широка,

Как по небу летят-улетают
Из неведомых стран облака.
Видит рощу нарядно одетой,
Видит крыши и трубы вдали...
Никуда ни зимою, ни летом
Не уйдет она с отчей земли.

Огни

Поля притихли и уснули,
Под снегом спрятав зеленыя.
Но в ветровом, вечернем гуле
Мне слышен зов иного дня.
Хоть сны лесов ещё глубоки,
Но в час полудня слышно мне,
Как занимаются потоки
В холодной белой глубине.
Порой сомкнётся сумрак
снежный
И вся земля в ночной тени...
Вдруг — поворот: и снова нежно
Сияют сельские огни!

Лес

Высокие сосны нагреты до звона...
В их чащу вхожу, как в родительский дом.
У каждого клена
Кудрявая крона
Мне кажется сказочной птицы крылом.
Корнями дубов и пугливых осинок,
Корнями орешника, белых берез
Лес в землю родную,
В песок и суглинок
Навечно, как мы в свою Родину, врос.